

Мифы и правда о Владимире Зельдине

У Владимира Михайловича Зельдина — снова юбилей. Их уже было несколько. К каждому я писал какие-то поздравления, повторяя клишированные слова: легендарный «Учитель танцев», синтетический актер, сохранивший удивительную форму, природный аристократ, рафинированный джентльмен... Но в преддверии его восьмидесятилетия я решил взбунтоваться. Нарушить традицию. Далеко не весь Зельдин помещается в легендах, зачастую ставших штампами. Надо, чтобы кто-нибудь, наконец, рискнул рассказать о нем правду.

По неписаному закону полагается изумленно воскликнуть: Зельдину восемьдесят? Неужели?! Не может быть! Может быть. И даже должно быть. Ведь уже Ширвиндту — шестьдесят, Караченцову — пятьдесят, мне самому посередине.

А начинали мы, да что там — росли с твердым знанием: Зельдин — знаменитый артист, боготворимый Альдемаро. Он-то,

жизни — сцена, игра. Он очень не любит отдавать роли. Даже в свободные дни приходит в театр, заглядывает в зал. Я уверен: в такие минуты он завидует стоящим на сцене, ревнует и жаждет оказаться на их месте.

На сцене пульс у Зельдина — 160. Отыграв спектакль, он сразу переводит себя в щадящий режим. Не расходует попусту энергию, экономит силы. Поэтому чрезвычайно неприязнителен в быту. Не волнуется, не возмущается, не интригует. Избегает черных эмоций. Поддерживает в себе духовную и душевную чистоту.

О доброте и отзывчивости Зельдина ходят едва ли не рождественские истории. Есть такая и у меня. 1978 год. Группа нашего театра выезжает в туристическое путешествие в Италию. В процессе оформления документов мою кандидатуру задерживает какая-то инстанция. Какая и почему, разумеется, покрыто мраком. Я почти смирился, зато не смирился Зельдин. Фантастическими путями он добрался до первого отдела Госбезопасности — фактически «рассекретил» его. Не принять Зельдина там не могли. Он пришел в это жуткое учреждение и поручился за меня: Чеханков вернется, отпустите мою ответственность. Честное слово Зельдина — это очень много. Меня отпустили, я, конечно, вернулся.

И все-таки Зельдин совсем не Санта-Клаус. Он всегда поступает так, как находит нужным. Если задеты его профессиональные принципы и пристрастия, он может быть очень жестким и даже жестоким. Тогда Зельдина из легенды — мягкого и любезного — просто не узнать. Несмотря на долготелее общение, я ничего не могу заранее предсказать в его оценках и реакции. С ним невозможно вступить в «заговор». Он доверяет только собственному восприятию. Никто ни от чего не застрахован, если Зельдин разойдется. О любезности он будет заботиться в последнюю очередь.

Скажем откровенно. Зельдин упрям. Он не отзовется дурно о чужой работе, но существуют вещи, категорически им не принимаемые. Он напрочь отрицает все, что идет в искусстве от головы: элитарное кино, авангардистскую живопись, театр абсурда. Убеждения тут бесполезны, Зельдин непреклонен. Искусство должно быть адресовано сердцу. Он выстрадал этот «предрассудок», он имеет на него право.

Когда говорят о Зельдине, как правило, считают долгом пожалеть о его «нереализованности». На мой взгляд, Владимир Зельдин — счастливый, реализовавший себя актер. Всех возможных ролей не переиграл никто, он сыграл много. Не надо забывать, что он не только учитель танцев Альдемаро. Зельдин начал с шедевра и ни разу не опустил планку. Этим, наверное, и отличается большой мастер — умением держать набранную высоту.

Жизнь Театра армии без него невысказана. От него ждут новых ролей — только что выпущена премьера талантливого молодого режиссера из Минска Николая Пинигина «Загнанная лошадь» по пьесе Франсуазы Саган. В кризисные моменты театра, а их, к сожалению, было немало, Зельдин — нравственная совесть театра.

Наверное, главное, что, став предметом легенд, Владимир Зельдин сам не превратился в легенду. К нему испытывают не только пиетет и уважение, но и живую, искреннюю любовь. Поэтому на очередном его юбилее Большой зал нашего театра опять окажется переполнен. И снова будут произноситься со сцены слова, в которых, конечно же, — правда. Но не вся.

А мне бы хотелось, чтобы зрители поняли: настоящий Владимир Зельдин еще интереснее и прекраснее, чем Зельдин из мифов и легенд.

Федор ЧЕХАНКОВ

кстати, словно бы никогда и не был начинающим, сразу состоялся в своем нынешнем качестве. Именно может быть! Потому что современники и партнеры, актеры его масштаба — уже достойные театральной истории. Хотя в Зельдине слишком много жизни, чтобы можно было назвать его живой историей...

Мне не нравится термин «синтетический актер», особенно в применении к Зельдину. Он актер романтический, замыкающий ряд таких гигантов, как Остужев, Юрьев, Мордвинов. Темперамент, подкрепленный голосом, пластикой, великолепной техникой и выразительными внешними данными, это и есть необходимые составляющие высокой театральной романтики. В каждой роли Зельдин ищет пики драматизма, те моменты крика души, когда герой теряет самое дорогое. Для его героев дороже всего, конечно же, любовь. Владимир Зельдин — актер не мюзиклов, а Шиллера и Гете.

Теперь о пресловутой «форме». Владимир Михайлович действительно в полной мере осознает, что значит быть ведущим актером театра. На протяжении многих лет он держал и держит на себе репертуар, и я не помню случая, чтобы из-за Зельдина отменили спектакль. Он не болел, не терял голос — просто не мог позволить себе всех этих приятных и легкомысленных шалостей. Никто не видел Зельдина на гастролях веселящимся в компании и пьющим до утра. Ритуальный чай в номере после спектакля, обязательно любимые конфеты. И отдых. Но здесь не было никакой жертвы с его стороны. Он на всех подобных собраниях отсутствовал оттого, что ему это было неинтересно. У Зельдина единственная страсть в